

УДК 94(47).084.6
EDN RNDGZQ

<http://vestnikniign.ru>

Научная статья

ВХОЖДЕНИЕ В 1937 ГОД: НАЧАЛО «БОЛЬШОГО ТЕРРОРА» В КИРОВСКОЙ ОБЛАСТИ И БОРЬБА С ТРОЦКИЗМОМ

В. И. Бакулин¹, П. А. Чемоданов²✉

¹ г. Сочи, Россия

² Волго-Вятский институт (филиал) Университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА),
г. Киров, Россия

✉ pavelche1492@mail.ru

Аннотация

Введение. В статье рассмотрена нормативно-правовая база, предпосылки и сущность массовых политических репрессий, проводившихся в масштабах Кировской области в первой половине 1937 г.

Материалы и методы. Источниковой базой исследования стали фонды Центрального государственного архива Кировской области, прежде всего, персональные дела руководителей разных уровней, рассматриваемые бюро Кировского обкома ВКП(б) в указанный период. Методология статьи базируется на применении теории элит, разработанной итальянскими учеными В. Парето и Г. Моска. В статье применены историко-генетический, историко-сравнительный и историко-биографический методы.

Результаты исследования и их обсуждение. В течение первой половины 1937 г. на заседаниях бюро Кировского обкома ВКП(б) рассматривались десятки персональных дел руководителей партийных и государственных структур, предприятий и учреждений. Большая часть из них касалась производственной сферы. На фоне набравшей размах индустриализации любые провалы в экономике болезненно воспринимались властями, поэтому персональным делам часто искусственно придавалось политическое содержание. Их фигуранты обвинялись не просто в широко распространенной халатности, а также в нередко встречавшихся коррупции и злоупотреблениях служебным положением, но и в осознанном вредительстве, шпионаже, пропаганде троцкизма, связях с «врагами народа» и прочих подобных деяниях. Нередко такого рода дела выливались в уголовное преследование с последующей расправой над обвиняемыми.

Заключение. Проанализированные источники свидетельствуют, что большинство персональных дел, рассмотренных на бюро Кировского обкома ВКП(б) в первой половине 1937 г., возникали не на пустом месте. В их основе, как правило, лежали реальные проступки в хозяйственно-экономической и административной сферах, однако придание этим делам политического характера представляется искусственным и надуманным по причине отсутствия четкой доказательной базы. Дополнительным подтверждением тому являются факты последующей реабилитации многих фигурантов подобных дел, значительная часть которых сумела оправдаться еще до начала Великой Отечественной войны.

Ключевые слова: сталинизм, репрессии, «Большой террор», троцкизм

Для цитирования: Бакулин В. И., Чемоданов П. А. Вхождение в 1937 год: начало «Большого террора» в Кировской области и борьба с троцкизмом // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2024. Т. 16, № 3. С. 121 — 136. EDN RNDGZQ

© Бакулин В. И., Чемоданов П. А., 2024

Original article

ENTERING 1937: THE BEGINNING OF THE “GREAT TERROR” IN THE KIROV REGION AND FIGHT AGAINST TROTSKISM

V. I. Bakulin¹, P. A. Chemodanov²✉

¹ Sochi, Russia

² Volga-Vyatka Institute (branch) of the University named after O. E. Kutafin (MSAL),
Kirov, Russia

✉ pavelche1492@mail.ru

Abstract

Introduction. The article examines the legal framework, prerequisites and essence of mass political repressions carried out throughout the Kirov region in the first half of 1937.

Materials and methods. The source base for the study was the funds of the Central State Archives of the Kirov Region, primarily, the personal files of leaders at various levels, examined by the bureau of the Kirov Regional Committee of the All-Union Communist Party of Bolsheviks during the specified period. The methodology of the article is based on the application of the theory of elites, developed by Italian scientists V. Pareto and G. Mosca. The article uses such special methods of historical science as: historical-genetic, historical-comparative and historical-biographical.

Results and discussion. During the first half of 1937, at meetings of the bureau of the Kirov Regional Committee of the All-Union Communist Party of Bolsheviks, dozens of personal files of the leaders of party and government structures, enterprises and institutions were considered. Most of them concerned the production sector. Against the background of the ongoing industrialization in the country, any failures in the economy were perceived extremely painfully by the authorities, so personal affairs were often artificially given political content. Their defendants were accused not just of negligence or corruption, but of deliberate sabotage, espionage, propaganda of Trotskyism, connections with “enemies of the people” and other acts directed against the existing political system. Often such cases resulted in criminal prosecution with subsequent reprisals against the accused.

Conclusion. Analyzed sources indicate that most of the personal cases considered at the bureau of the Kirov Regional Committee of the All-Union Communist Party of Bolsheviks in the first half of 1937 did not arise out of nowhere. As a rule, they were based on real misconduct in the economic and administrative spheres, but giving these cases a political overtone seems entirely artificial and far-fetched due to the lack of a clear evidence base. Additional confirmation of this is the facts of the subsequent rehabilitation of many defendants in such cases, a significant part of which were able to justify themselves even before the start of the Great Patriotic War.

Keywords: stalinism, repression, “Great Terror”, Trotskyism

For citation: Bakulin VI, Chemodanov PA. Entering 1937: the Beginning of the “Great Terror” in the Kirov Region and Fight Against Trotskyism. *Bulletin of the Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia*. 2024;16(3):121—136. EDN RNDGZQ

Введение

Тема политических репрессий 1930-х гг. является сложной и многосоставной. Ее проблематика разделяется внутри себя на несколько направлений. К первому из них можно отнести определение реальных масштабов террора, с чем историческая наука на данный момент в целом справилась. Согласно подсчетам В. Н. Земскова, в СССР за период «Большого террора» 1937 — 1938 гг. по политическим мотивам было осуждено 1 344 923 чел., 681 692 чел. из которых были приговорены к высшей мере наказания. Сколько приговоров было приведено в исполнение, на данный

момент не ясно [6, с. 123]. Еще одна составляющая заявленной темы — определение подлинных причин репрессий и механизма их проведения. На этот счет существует несколько основных концепций, о которых речь пойдет ниже. Одним из самых неоднозначных является вопрос об истинной виновности людей, осужденных по 58-й статье УК РСФСР 1926 года. Даже в тех случаях, когда вина этих лиц несомненна, перед исследователем встает трудноразрешимый вопрос: присутствовал ли в их действиях политический мотив или все обвинения на этот счет являлись надуманными? Авторы настоящей статьи сделали попытку дать ответ на этот вопрос на базе доступных им региональных источников.

В современной российской историографии имеются разные подходы к вопросу о причинах «Большого террора» 1937 — 1938 гг. Так, О. В. Хлевнюк объяснил его развязывание стремлением И. В. Сталина к удержанию личной власти и уничтожению всех потенциальных противников [9]. Ю. Н. Жуков предложил более многоплановую и нестандартную концепцию сталинских репрессий, выводя основную причину таковых из неудавшейся попытки демократизации советской системы, предпринятой вождем. По утверждению историка, в числе прочего И. В. Сталин планировал ввести в СССР альтернативные выборы вместо безальтернативных. В такой парадигме основная вина за террор возлагается на региональную партноменклатуру, которая тем самым стремилась устранить возможных политических конкурентов [5].

К позиции О. В. Хлевнюка близок канадский историк П. Соломон, утверждающий, что «все потоки террора были направлены на достижение цели, поставленной Сталиным, а именно: на ликвидацию всех лиц (и категорий граждан), которые якобы представляли собой потенциальную опасность для вождя или для его режима...» [8, с. 230]. Кроме того, по мнению исследователя, обвинения во вредительстве, носившие политический характер, служили прикрытием «неурядиц и провалов в народном хозяйстве страны» [8, с. 235].

Сомнения вызывает как первая версия, упрощающая сложное социально-политическое явление, так и вторая, приобретающая определенную популярность в современной публицистике, но явно нуждающаяся в аргументированном обосновании. Разумеется, в бурно развивавшейся советской экономике 1930-х гг. было достаточно проблем, но частные, локальные провалы и недочеты на фоне колоссальных экономических достижений тех лет вряд ли можно считать единственной причиной массовых репрессий. В любом случае проблема нуждается в более основательной проработке, в том числе и с привлечением материалов регионального уровня. В этом смысле любопытна ситуация в относительно «молодом» регионе — Кировской области — появившемся на карте СССР накануне начала «Большого террора» в декабре 1936 г.

Обзор литературы

Проблема политических репрессий в СССР традиционно пользуется популярностью как в постсоветской отечественной историографии, так и в западной. Одно перечисление этих трудов займет много страниц, поэтому мы лишь обозначим наиболее характерные тенденции. В настоящее время в той или иной степени освещены вопросы о количестве пострадавших от политических репрессий [7], о структуре контингента подвергшихся им лиц, о соответствующих решениях и

действиях центральной власти [9]. Идет процесс изучения связанной с ними политической борьбы в партийных «верхах» [4; 13]. Слабее изучена реализация политики массовых репрессий на местах. В связи с этим определенный интерес представляют собой попытки оценить ее через призму судеб региональных руководителей, в данном случае — Свердловской области¹.

О политических репрессиях на территории Кировской области одним из первых высказался Ю. Г. Карачаров; его скромного размера работа была построена на избранных автором и бегло изложенных конкретных биографиях пострадавших, преимущественно из числа партийных и комсомольских руководителей². На десятилетие позже увидела свет монография В. А. Бердинских по истории ВятЛАГа [3]. Истории кадровых «чисток» середины 1930-х гг. была посвящена публикация одного из авторов данной статьи — В. И. Бакулина [1]. Коснулся рассматриваемой проблематики и другой автор настоящей работы — П. А. Чемоданов, который рассматривал ее в контексте истории стахановского движения в регионе [12]. Он же продолжил работу по накоплению биографических сведений о партийных деятелях, подвергшихся политическим преследованиям в исследуемый период [10; 11].

Кроме того, нельзя не упомянуть фундаментальный биографический справочник «Политические лидеры Вятского края» (составители — архивисты В. С. Жаравин, Е. Н. Чудиновских), в котором аккумулированы биографические данные о более чем полутора тысячах партийных и советских работниках Кировской области (Вятской губернии, Кировского края), многие из которых попали под маховик «чисток» и репрессий межвоенного времени³.

В последние десятилетия заметный интерес к этой болезненной проблеме проявляют также исследователи и публицисты, близкие к Русской православной церкви⁴. Однако работы такого рода избыточны, как правило, эмоциональными эпитетами и оценочными суждениями, поэтому мало способствуют объективному воссозданию общей исторической картины. Более основательный подход к истории политических репрессий в регионе нашел отражение в ряде разделов юбилейного издания «Страницы столетней истории: ВятГубЧК — УКГБ — УФСБ по Кировской области». В этом контексте особого внимания заслуживает текст ветерана органов госбезопасности А. Г. Гаврилова⁵.

Материалы и методы

В статье применены такие специальные методы исторической науки, как историко-генетический, историко-сравнительный и историко-биографический. В качестве методологической основы исследования использована теория элит, разрабо-

¹ Сушков А. А., Разинков С. Л. Руководители Свердловской области: первые секретари обкома ВКП(б) — КПСС и председатели облисполкома. 1934 — 1991: биограф. справ. Екатеринбург, 2003. 284 с.

² Карачаров Ю. Г. Все равно буду жить!: Док. рассказ о жертвах сталин. репрессий в Киров. обл. Киров, 1990. 192 с.

³ Политические лидеры Вятского края: биограф. справ. Киров, 2009. 730 с.

⁴ Вспомним поименно. Киров, 2017. Кн. 9. 129 с.; Вятские пастыри в годы гонений. Киров, 2019. 336 с.

⁵ Страницы столетней истории: ВятГубЧК — УКГБ — УФСБ по Кировской области. Киров, 2018. С. 83 — 88.

танная итальянскими учеными В. Парето и Г. Моска. В нашем случае речь идет о сформировавшейся в 1920 — 1930-е гг. прослойке новой политической элиты (партноменклатуры), к которой примыкали советские работники и хозяйственные руководители разных уровней. В данной статье мы сделали попытку комплексного рассмотрения проблемы репрессий, обозначив некоторые связи ее с другими гранями жизни регионального социума. Более полно такой подход задействован нами в недавно увидевшей свет совместной монографии [2].

Территориальные рамки исследования охватывают Кировскую область в границах первой половины 1937 г. С декабря 1934 г. на карте страны существовал Кировский край, но с принятием новой Сталинской конституции в декабре 1936 г. краевое административно-территориальное деление страны упразднялось, и Кировский край был преобразован в Кировскую область. При этом из нее выделилась Удмуртская АССР, став отдельным регионом в составе РСФСР⁶. На 1 января 1937 г. область включала в себя 54 района, занимая площадь 112,9 тыс. км² ⁷. В 1939 г. население региона составляло 2 млн 284 тыс. чел.⁸

Характерной чертой системы руководства областью являлась высокая степень централизации и концентрации властных полномочий в руках узкой группы партийных функционеров. Центром, куда сходились нити управления практически всеми Советами, предприятиями и учреждениями, являлось бюро Кировского обкома ВКП(б). Этот орган, формируемый в составе десятка членов пленумом областного комитета, в свою очередь избираемого региональной партийной конференцией (в июне 1937 г. в состав обкома были избраны 55 членов и 15 кандидатов в члены⁹), работал регулярно и системно, собираясь один-два раза в неделю и принимая решения по самым разным вопросам региональной жизни. Материалы для рассмотрения на заседаниях бюро готовились аппаратом обкома — начальниками и сотрудниками его отделов, инструкторами и просто порученцами. При этом использовалась информация, поступающая от местных Советов и партийных комитетов районного звена и ниже, хозяйственных органов, статистического отдела облисполкома, управления НКВД, милиции. На самих заседаниях бюро нередко заслушивались руководители предприятий, учреждений и органов власти.

Все это, как и наличие партийных организаций в учреждениях и на предприятиях, позволяло поддерживать достаточно эффективную прямую и обратную связь с местами, оперативно реагировать на меняющуюся ситуацию и координировать деятельность многочисленных учреждений и производственных объектов. Разумеется, многообразная текущая управленческая деятельность осуществлялась исполкомами областного, городских, районных и поселковых Советов. Однако в решениях общего, принципиального характера первое и последнее слово оставалось за бюро Кировского обкома ВКП(б). Материалы бюро — ценный исторический источник достаточно высокой степени достоверности. Они дают возможность отслеживать

⁶ Конституция РСФСР [Основной Закон]. М., 1937. Ст. 14.

⁷ Районы Кировской области. Киров, 1937. С. 4, 12.

⁸ Вятский край на рубеже тысячелетий. История и современность: историко-стат. сб. Киров, 2002. С. 18.

⁹ Комсомольское племя. 1937. 17 июня. № 71 (443). С. 1.

определенные политические процессы в местном социуме и соотносить их с общегосударственными тенденциями.

Результаты исследования

В политическом плане начало 1937 г. было многообещающим. Грозовую атмосферу в стране задал проходивший в Москве 23 — 30 января открытый судебный процесс по делу «Параллельного антисоветского троцкистского центра». Фигурантами его выступали видные деятели левой оппозиции — Г. Л. Пятаков, К. Б. Радек, Л. П. Серебряков, Г. Я. Сокольников, Н. И. Муралов и др. — всего 17 подсудимых, 13 из которых по приговору суда были казнены. Он дал старт особенно продолжительной и неистовой полосе осуждения «врагов народа» в средствах массовой информации, на собраниях и конференциях коммунистов и беспартийных.

Неудивительно, что особое место в деле выявления «врагов народа» занимало уничтожение остатков внутрипартийных оппозиций, в особенности левой, которая в тот момент представлялась сталинской группировке наиболее опасной. До начала 1937 г. преследование реальных или мнимых ее членов в регионе носило во многом формальный, «ритуальный» характер. Хотя на состоявшемся 13 сентября 1936 г. пленуме Кировского крайкома ВКП(б) 1-й секретарь А. Я. Столяр довольно пафосно рапортовал о якобы проводимой в регионе «жесточайшей борьбе с заклятыми врагами партии — троцкистско-зиновьевским контрреволюционным охвостьем»¹⁰, фактически среди «вычищенных» из партии за 1936 г. к предполагаемым сторонникам Л. Д. Троцкого и Г. Е. Зиновьева принадлежали скромные 1,7 %, в то время как «белогвардейцев и кулаков» было среди исключенных 30,6 %, «бытовых и политических разложившихся» — 16,3 %, «аферистов и жуликов» — 10,6 %¹¹.

К тому же «вычищение» из ВКП(б) было в принципе обратимо, о чем свидетельствует статистика рассмотрения апелляций, поданных в Кировский крайком (обком) ВКП(б). За полгода, прошедших после появления постановления ЦК ВКП(б) (от 24 июня 1936 г.) «Об извращениях при исключении из партии», т. е. к началу 1937 г., Кировский обком рассмотрел заявления 1 113 чел., не согласных с наложенным на них наказанием. В результате были восстановлены в партии 38 % от общего числа, или 423 чел. В их числе: в партии восстановились 35 % из 192 исключенных за сокрытие социального происхождения, 36 % из 221 — за морально-бытовое разложение, 41 % из 245 — за небрежное хранение или утерю партбилета, недисциплинированность, плохую работу; 82 % из 205 исключенных «кулаков и белогвардейцев»¹².

Кадровые «чистки», по сути своей носившие репрессивный характер, поскольку были связаны с наказаниями того или иного рода, случались и в комсомоле. В этот период принадлежность к троцкизму и здесь не являлась преобладающим фактором, из-за которого исключались члены ВЛКСМ. За последние три месяца 1936 г. в Кировском крае были отстранены от работы 15 секретарей райкомов ВЛКСМ; кроме

¹⁰ Итоги обмена партийных документов: Докл. секретаря крайкома ВКП(б) тов. Столяр на пленуме крайкома 13 сентября 1936 г. // Кировская правда. 1936. № 218 (20 сент.). С. 1.

¹¹ Материалы к отчету Кировского обкома ВКП(б) первой областной конференции. Киров, 1937. С. 83.

¹² ЦГА КО (Центральный государственный архив Кировской области). Ф. П-1255. Оп. 2. Д. 77. Л. 69.

того, семь секретарей сменились по уважительной причине. Лишь у троих из 15 вышеназванных причина увольнения носила политический характер. В их делах фигурировала формулировка: «ошибки, связанные с троцкизмом». Остальные 12 попали за «пьянку и элементы разложения» (семь человек), а также — за «развал работы и бездеятельность»¹³.

В начале 1937 г. ситуация в стране и в Кировской (теперь уже) области стала существенно меняться. Партийный обком предложил районным комитетам действовать в духе передовицы «Правды» от 4 января, обсудив ее на закрытых партийных собраниях¹⁴. В упомянутой статье Л. Д. Троцкий, Г. Е. Зиновьев, Г. Л. Пятаков, К. Б. Радек, Г. Я. Сокольников и другие деятели оппозиции объявлялись «подлейшими из подлых», им приписывалось пособничество иностранной буржуазии с целью организации военной интервенции в СССР и реставрации в стране капиталистического строя¹⁵.

В партийных организациях на местах развернулась соответствующая пропагандистская и организационная работа, затронувшая и молодежную среду. Программа политзанятий кировских комсомольцев, наряду с прочим, предусматривала в то время ознакомление с материалами состоявшихся в 1936 — начале 1937 г. политических судебных процессов¹⁶. Важным ориентиром для местных работников выступали также решения февральско-мартовского (1937 г.) пленума ЦК, формально сделавшего заявку на углубление советской демократии в процессе реализации положений Конституции СССР 1936 года¹⁷.

Параллельно осуществлялось активное переписывание новейшей отечественной истории, из которой вычеркивались неугодные властям имена видных оппозиционеров. В феврале 1937 г. зав. агитпропотделом Кировского обкома ВКП(б) Лисин получил от руководителя отдела печати и издательств ЦК партии Б. Таль указание в трехнедельный срок «произвести тщательную проверку в редакциях всех снимков, негативов и клише» с тем, чтобы изъять из оборота, не допустить в печать «снимки врагов народа — троцкистов и их пособников из правого лагеря, разоблаченных на двух последних процессах». Разрешалось сохранить ценные групповые снимки с изъятием из них портретов «врагов народа»¹⁸.

С того времени политические преследования левой оппозиции в регионе стали набирать обороты. В частности, обвинение в принадлежности к ней было предъявлено председателю Воткинского городского Совета Р. М. Хасьянцу, заведующему отделом школ обкома партии В. Д. Мазурову, редактору газеты «Удмуртская Коммуна» Кильдебекову, директору строящегося Глазовского льнокомбината А. Г. Соколову, заведующему финансовым отделом Кировского облисполкома Д. Н. Юрушкину.

¹³ ЦГА КО. Ф. П-1255. Оп. 2. Д. 77. Л. 5.

¹⁴ Там же. Ф. П-1290. Оп. 1. Д. 28. Л. 23.

¹⁵ Правда. 1937. 4 янв. (№ 4). С. 1.

¹⁶ ЦГА КО. Ф. П-1255. Оп. 2. Д. 77. Л. 1.

¹⁷ Материалы февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б) 1937 года // Вопросы истории. 1992. № 2-3.

¹⁸ ЦГА КО. Ф. П-1290. Оп. 1. Д. 226. Л. 15.

Снятому в январе с административной должности Хасьянцу вменялось в вину, что он вел «контрреволюционную троцкистскую пропаганду», допуская при этом «наглые выпады и клевету против вождей партии и государства»¹⁹. Вместе с ним преследованию подверглись работники Воткинского райкома ВКП(б) Козленко и Ермаков, которые имели неосторожность организовать теоретическую конференцию с элементами дискуссии по внутрипартийным проблемам: оба лишились должностей и членства в бюро райкома²⁰. Позже Хасьянц также был включен в число организаторов злополучной дискуссии²¹. Мазуров получил выговор за «сокрытие от партии своих троцкистских выступлений в период 1923 — 1924 годов»²²; Соколова лишили партийного билета как «активного контрреволюционера-троцкиста»²³; Кильдебеков угодил под проведенную на рубеже 1936 — 1937 гг. «чистку» редакции «Удмуртской Коммуны» от «классово-чуждых и враждебных элементов»²⁴. Юрушкин летом 1937 г. лишился должности и членства в партии за невыполнение указаний Кировского обкома ВКП(б) «об очищении аппарата ОблФУ»²⁵.

Предметные обвинения в троцкизме чаще, чем в иных случаях, встречались в контексте молодежной тематики. Судя по всему, опасность увлечения молодых идеями Л. Д. Троцкого, реально беспокоила власти. Еще в ноябре 1936 г. органами НКВД подвергся аресту преподаватель педагогического техникума г. Яранска Ки-маев, который, по данным работников обкома ВЛКСМ, в течение двух лет на своих занятиях «открыто протаскивал... контрреволюционную троцкистскую теорию о невозможности построения социализма в Советском Союзе»²⁶. Тогда же был выявлен факт прямого воздействия на комсомольских активистов ссыльного троцкиста Александра в Бисеровском районе²⁷. В рамках «борьбы с троцкизмом» в июле 1937 г. был снят с должности секретарь Сарапульского райкома ВЛКСМ Перминов. Ему вменялось в вину, что он (а с ним и ряд комсомольцев) «руководствовались контрреволюционной троцкистской теорией противопоставления комсомола партии, а также тезисом о том, что среди комсомольцев не может быть врагов»²⁸.

Поднималась тема троцкизма и на 1-й Кировской областной конференции ВЛКСМ, прошедшей в сентябре 1937 г. В числе прочего обвинения в троцкизме и вредительстве в адрес бывшего 1-го секретаря Кировского обкома комсомола Г. Е. Урина, арестованного незадолго до этого, звучали в докладе его преемника А. С. Ходырева. Формулировались они следующим образом: «Враг народа Урин, будучи секретарем обкома комсомола, вел вражескую работу в свердловской организации, был тесно связан с врагами народа, разоблаченными на Урале. Работая в Кирове, Урин также проводил вражескую линию на отрыв комсомольской органи-

¹⁹ ЦГА КО. Ф. П-1290. Оп. 1. Д. 28. Л. 18.

²⁰ Там же. Л. 37.

²¹ Там же. Ф. П-1255. Оп. 2. Д. 77. Л. 7.

²² Там же. Ф. П-1290. Оп. 1. Д. 30. Л. 8.

²³ Там же.

²⁴ Там же. Л. 1.

²⁵ Там же. Оп. 5. Д. 2867. Л. 1.

²⁶ Там же. Ф. П-1255. Оп. 2. Д. 77. Л. 7.

²⁷ Там же.

²⁸ Там же. Ф. П-1290. Оп. 1. Д. 30. Л. 60 — 61.

зации от партийного руководства... В практической работе Урин глушил всякую попытку развертывания критики и самокритики и стягивал в нашу организацию врагов народа из других краев и областей. Так, например, им был проташен с помощью шпиона Файнберга на работу редактором газеты „Комсомольское племя“ враг народа Ямпольский»²⁹.

В докладе не обошлось и без критики оставшихся членов бюро Кировского обкома ВЛКСМ, которые вовремя не пресекли «вредительскую» деятельности Г. Е. Урина «в силу идиотской болезни — политической беспечности»³⁰. Вместе с тем никакой конкретики относительно троцкистских взглядов указанных лиц в докладе приведено не было, фактически все ограничилось стандартным для тех лет набором обвинений в кумовстве и «зажиме самокритики». Очевидно, подобное поведение могли демонстрировать не только сторонники Л. Д. Троцкого.

Порой «идейная борьба» с троцкизмом сводилась к лишенным доказательности выпадам в местной прессе в адрес лидера левой оппозиции. Так, в феврале — марте 1937 г. на страницах областной молодежной газеты «Комсомольское племя» дважды появлялась публикация под названием «Товарищ Сталин и оборона Вятки» (имелась в виду оборона Вятки от войск адмирала А. В. Колчака в годы Гражданской войны). Во втором случае ей предшествовал следующий комментарий: «Эту статью редакция дает в порядке исправления ошибки, допущенной в статье под заголовком „Товарищ Сталин и оборона Вятки“, помещенной 23 февраля 1937 г. (№ 25). В статье за 23 февраля редакция не рассказала о роли товарища Сталина в разгроме пораженческого плана и предательской деятельности врага народа Троцкого на Восточном фронте»³¹.

Еще одним вариантом политических преследований являлись санкции не за какие-то определенные деяния, а за так называемую связь с врагами народа, преимущественно — с теми же реальными или номинальными троцкистами. Так, в середине мая 1937 г. был отстранен от должности 1-й секретарь Кировского горкома ВЛКСМ Н. Л. Скуратовский за связь с бывшими работниками горкома партии Матвеевым и Шустовым, несколько ранее получившими ярлык «врагов-троцкистов». Автор соответствующей газетной статьи смог поставить в вину всем троим лишь «совместные выпивки на квартирах..., разговоры о руководстве городскими организациями...»³². По сходной схеме в ходе работы VII конференции областной организации ВЛКСМ (сентябрь 1937 г.) был лишен делегатского мандата работник Кировского машстройзавода Милютин «за связь с троцкистом Медведевым»³³. Политически окрашенным следует считать и дело второго секретаря Белохолуницкого райкома партии И. Е. Зорина, которому бюро обкома объявило выговор и вошло в ЦК с предложением снять его с должности «за затяжку рассмотрения вопроса о троцкисте Торкунове», а также за «сокрытие в своей автобиографии того, что брат Зорина служил в белой армии...»³⁴.

²⁹ Комсомольское племя. 1937. 27 сент. (№ 112). С. 2.

³⁰ Там же.

³¹ Там же. 6 марта (№ 29). С. 3.

³² Там же. 18 мая (№ 57). С. 1.

³³ VII городская конференция ВЛКСМ // Комсомольское племя. 1937. 15 сент. (№ 108). С. 3.

³⁴ ЦГА КО. Ф. П-1290. Оп. 1. Д. 34. Л. 68.

Политический оттенок мог быть придан и обычным хулиганским выходкам. Например, еще в конце 1936 г. на Кожкомбинате им. Коминтерна г. Кирова была раскрыта хулиганская молодежная организация под названием «Колхоз Красная помидорина», в которой существовала строгая дисциплина и круговая порука. Эта группа в количестве до 30 человек избивала молодежь, работающую на строительстве, организовывала коллективные пьянки, срывала молодежные массовые мероприятия. Тогда же в Санчурском районе в период проведения переписи населения неизвестными лицами был распушен слух в среде девушек о том, что в ходе этого мероприятия от них якобы будут требовать предъявления несуществующих в природе «справок о девственности». В результате этой акции около 200 девушек обратились в лечебные учреждения за указанными справками³⁵. Областное комсомольское руководство оценило оба факта как очередные «вылазки контрреволюционных сил».

Обвинения в троцкизме, звучавшие в первой половине 1937 г. в адрес тех или иных членов партии, представляются по большей части надуманными, но не следует исключать подобные настроения вовсе, как и факт существования на данном этапе убежденных, идейных сторонников оппозиции. Например, директор Нолинского техникума механизации П. П. Рогачёв на одном из заседаний IV районного съезда Советов открыто заявлял: «Троцкий представляет из себя видного человека, в годы революции везде были лозунги, в которых имя Троцкого стояло рядом с именем Ленина и его, Троцкого, восхваляли в песнях. Авторитет его был громадный. Троцкий был один из аккуратных людей, который быстро реагировал и чутко относился к запросам... После смерти Ленина все ведь рассчитывали, что его должен заменить Троцкий»³⁶.

Далее П. П. Рогачёв рассказал историю о личном взаимодействии с Л. Д. Троцким в годы Гражданской войны. По его словам, в тот исторический период он был начальником эшелона моряков, который однажды не пропустили по пути следования под невыясненным предлогом. Проблему якобы решила телеграмма председателю Реввоенсовета Л. Д. Троцкому, который буквально через несколько часов личным распоряжением пропустил эшелон³⁷.

Этим «прегрешения» П. П. Рогачёва не ограничились. Так, 25 ноября 1936 г., будучи в служебной командировке в Кирове, он, слушая по радио доклад И. В. Сталина о проекте Конституции СССР на VIII Всесоюзном съезде Советов, презрительно заявил в адрес аплодировавших вождю делегатов форума: «Слышите, слышите, как орут эти колхозники! Прямо до иступления доходят эти колхозники!»³⁸. Тогда же он открыто характеризовал Сталина как диктатора. Естественно, в условиях тотальной борьбы с идейным влиянием Л. Д. Троцкого такие высказывания просто не могли оставаться безнаказанными, и уже в марте 1937 г. П. П. Рогачёв был снят с должности и исключен из партии как «враг народа»³⁹.

³⁵ ЦГА КО. Ф. П-1255. Оп. 2. Д. 77. Л. 7 — 8.

³⁶ Там же. Ф. П-1290. Оп. 1. Д. 53. Л. 31.

³⁷ Там же.

³⁸ Там же. Л. 32.

³⁹ Там же.

В Кировской области в силу разных причин могли оказаться вполне реальные «заезжие» троцкисты. Крайне любопытно письмо заместителя руководителя группы партийно-советского контроля при Кировском обкоме ВКП(б) Метелецкой секретарю Московского горкома партии Н. С. Хрущёву от 23 марта 1937 г. Автор обращала внимание Н. С. Хрущёва на ситуацию в Главном кожевенном управлении, из которого регулярно присылали руководящие кадры на кожевенные предприятия и учреждения Кировской области. В частности, весной 1935 г. из Москвы в Киров приехала некая Галина Коваленко, которая заняла должность заместителя управляющего крайконторы Кожобувьснаба⁴⁰.

Далее следовал экскурс в биографию Г. Коваленко. Согласно письму она вступила в партию в 1919 г., в годы Гражданской войны работала в подполье на территориях, занятых белой армией А. И. Деникина, впоследствии являлась троцкисткой, за что исключалась из ВКП(б), но была позже восстановлена. При этом ее мужья (всего их было четыре) в 1920-е гг. принадлежали к различным оппозициям. Первый был в рабочей оппозиции, второй — в сапроновской «Группе демократического централизма», третий и четвертый принадлежали уже к оппозиции троцкистской. Сама Г. Коваленко в начале 1930-х гг. состояла на учете в партийной организации Наркомлегпрома (Москва). Именно там на одном из партсобраний, прошедших летом 1933 г., она и была исключена из рядов ВКП(б) «за идейную и организационную связь с троцкистами», однако впоследствии она оказалась в Алма-Ате, где местный партийный горком восстановил ее⁴¹. Любопытно, что именно в этом городе в 1928 — 1929 гг. отбывал ссылку лидер левой оппозиции Л. Д. Троцкий.

По словам Метелецкой, Г. Коваленко регулярно выступала в Кирове с «троцкистской повесткой», в частности, утверждала, что «партия не заботилась о рабочем классе»⁴². Далее сообщалось, что контролирующие партийные органы в Кирове «вскрыли ее переписку с троцкистами и связь с административными ссыльными»⁴³. В Москве она была связана с неким Нойманом, работавшим в системе Главного кожевенного управления, на которого, судя по всему, и предлагалось обратить внимание Н. С. Хрущёву⁴⁴. Предпринял ли секретарь Московского горкома какие-либо меры из документа не ясно, однако принадлежность Г. Коваленко к троцкистскому идейно-политическому течению в данном случае не вызывает сомнений.

Основная масса персональных дел (с политической подоплекой или без таковой), выносимых на бюро обкома, как и прежде, была связана с деятельностью фигурантов в различных сферах экономической, государственной и общественной жизни. Экономический аспект был преобладающим, а связанный с ним политический компонент обвинения формулировался обычно как «вредительство». Источники дают массу свидетельств в пользу этого утверждения, причем на разных уровнях и в разных сферах производственной и общественно-политической жизни области. Так, на проходившем в сентябре 1937 г. собрании актива Бисеровского райкома

⁴⁰ ЦГА КО. Ф. П-1290. Оп. 1. Д. 52. Л. 20.

⁴¹ Там же. Д. 53. Л. 15.

⁴² Там же.

⁴³ Там же. Д. 52. Л. 21.

⁴⁴ Там же. Л. 22 — 23.

комсомола ряду лиц, в частности технику Бакееву, а также его коллегам, было предъявлено обвинение во вредительской деятельности. В газетном отчете об этом говорилось: «Они срывали строительную работу в районе. Неслучайно план по строительству школ выполнен только на 50 процентов, больница и дом соцкультуры не достроены, а электростанцию строить еще не начинали»⁴⁵.

«Неправильное» социальное происхождение (и особенно его утаивание) также могло быть причиной серьезных неприятностей, причем даже у партийных руководителей достаточно высокого уровня. Примечательный случай произошел в июне 1937 г. на I Кировской областной партийной конференции, где избирался новый состав обкома ВКП(б). В числе прочего члены конференции исключили из списка претендентов в обновленном составе этого органа И. А. Дубинского, работавшего до этого заведующим сельскохозяйственным отделом обкома. Дело в том, что его отец когда-то был крупным предпринимателем. За сокрытие этого факта в начале 1920-х гг. Дубинский исключался из партии. История его восстановления неизвестна, но информация о прошлых его «прегрешениях» всплыла теперь, летом 1937 г. В ноябре того же года И. А. Дубинский был репрессирован⁴⁶.

Несмотря на все изложенное, следует признать, что в первой половине 1937 г. еще не всем обвинениям и наказаниям за те или иные проступки и даже явные преступления придавался политический оттенок. Так, не был задействован политический контекст в случае с заместителем директора Зареченской МТС Бакиным, скупавшим у трактористов трудодни «с целью получения соответствующих доходов»⁴⁷. В январе 1937 г. кировское руководство вышло в ЦК ВКП(б) с предложением снять с должности секретаря Кильмезского райкома Н. С. Колупаева, который не только попустительствовал распространению «пьянства и бытового разложения» в среде партийного актива, но и дискредитировал себя «организацией коллективной пьянки с руководящими работниками района»⁴⁸.

Политический контекст отсутствовал и в этом, и в следующем сюжете. Администрация Арпорекского лесопильного завода долгое время была причастна к хищениям государственной собственности. Этому, как и подавлению любой критики и самокритики на предприятии, весьма способствовало то обстоятельство, что директор Буряков «поставил в свою материальную зависимость партийных и профсоюзных работников завода»⁴⁹. Рассмотрев персональное дело Бурякова, члены бюро обкома приняли решение лишить его должности, с привлечением к уголовной ответственности. Вопрос о партийности бывшего директора на время следствия остался открытым; секретарю райкома ВКП(б) П. М. Семенову за недосмотр был объявлен выговор⁵⁰.

Политическая ситуация в области начала ужесточаться летом 1937 г. В своем последнем крупном выступлении в качестве 1-го секретаря обкома ВКП(б) на I Кировской областной партконференции А. Я. Столяр заявил: «Враги еще не все

⁴⁵ Черанев П. Райком, проглядевший подрывную работу врагов // Комсомольское племя. 1937. 18 сент. № 109 (482). С. 3.

⁴⁶ Комсомольское племя. 1937. 17 июня. № 71 (443). С. 1.

⁴⁷ ЦГА КО. Ф. П-1290. Оп. 1. Д. 30. Л. 111 об.

⁴⁸ Там же. Д. 28. Л. 23.

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ Там же. Л. 23 об.

разоблачены и уничтожены. Они есть и в других районах, они есть и в Кирове... Мы врагов народа разоблачим, разгромим и расстреляем как бешеных собак»⁵¹. Примечательно, что сам А. Я. Столяр вскоре был репрессирован. Проработав восемь месяцев в должности 1-го секретаря Свердловского обкома партии, 31 марта 1938 г. был снят с должности и арестован, 3 июля — исключен из рядов ВКП(б) и спустя три недели приговорен к расстрелу по 58-й статье. Его жизнь оборвалась на расстрельном полигоне «Коммунарка» 27 июля 1938 г. [10, с. 25 — 26].

В то же время определенные метаморфозы произошли с употреблением термина «вредительство». Характерной чертой связанных с ним сюжетов было предъявляемое руководителям различных рангов требование выявлять и разоблачать реальных и мнимых злоумышленников. В Кировской области эта задача со всей категоричностью была поставлена местными лидерами перед членами партийной организации, хозяйственниками и иными руководителями лишь накануне или в процессе работы июньского пленума ЦК ВКП(б).

Многokrратно увеличившийся с июля 1937 г. масштаб репрессий в области объявлен в первую очередь скачкообразно возросшей активности органов НКВД в деле поиска и разоблачения «врагов народа». Серьезным подтверждением данного тезиса можно считать свидетельство одного из бывших секретарей райкома Кировской области — арестованной в 1938 г. М. И. Боровой. Характеризуя деятельность бывших первых секретарей Кировского обкома партии А. Я. Столяра и М. Н. Родина в проведении репрессий в регионе, она высказалась достаточно определенно: «Если даже взять количество разоблаченных врагов народа при Столяре и при Родине, то оно не характерно... Даже если при Родине их было разоблачено больше, то это отнюдь не его заслуга, а заслуга органов НКВД»⁵².

Вопрос о последующей судьбе репрессированных представителей партноменклатуры Кировской области является предметом отдельного исследования авторов настоящей статьи, где приведено множество примеров такого рода [2, с. 158]. Объем журнальной публикации не позволяет обратиться к биографиям всех упомянутых выше лиц, поэтому ограничимся лишь парой характерных примеров. Так, следствие по делу бывшего заведующего отделом школ Кировского обкома ВКП(б) В. Д. Мазурова, арестованного 13 ноября 1937 г., длилось до 4 марта 1940 г., после чего уголовное дело было прекращено. Выйдя на свободу в изменившейся к лучшему политической ситуации, Мазуров подал апелляцию в Кировский обком ВКП(б), который решением бюро от 23 марта того же года восстановил его в партии, а 14 апреля снял с него наложенный 9 марта 1937 г. строгий выговор⁵³.

На примере персонального дела бывшего начальника областного финансового управления Д. Н. Юрушкина в общих чертах можно отследить характерную для 1937 г. эволюцию персональных, а затем и уголовных дел. Экс-руководителю облФУ первоначально ставилось в вину лишь попустительство (сознательное или по недосмотру) извращению государственной налоговой политики в отношении крестьян-единоличников в одном из районов области. Затем подобные безобразия, как и факты

⁵¹ ЦГА КО. Ф. П-1290. Оп. 1. Д. 4. Л. 15.

⁵² Там же. Ф. П-6799. Оп. 1. Д. СУ-370. Т. 1. Л. 61.

⁵³ Там же. Ф. П-1290. Оп. 2. Д. 1375. Л. 13 — 17.

начальственной коррумпированности, вскрылись в ряде других районов области, что послужило основанием оценки их как явления системного. Соответственно иначе высветилась роль областного финансового управления и его начальника. Теперь обвинения в адрес Юрушкина и возглавляемого им органа приобрели политический характер, после чего он лишился должности, был исключен из партии и 18 июля оказался под арестом, в результате чего 1 июля 1939 г. выездной сессией Военного трибунала Уральского военного округа он был приговорен к 15 годам лагерей (по пунктам 7 и 8 ст. 58-й УК РСФСР)⁵⁴. 17 марта 1940 г. постановлением Верховного суда СССР его уголовное дело было прекращено. Как следует из документов персонального дела, после освобождения он уехал в Москву, там подал апелляцию в Комиссию партийного контроля при ЦК ВКП(б), откуда она, видимо, была «спущена» обратно в Кировский обком партии. На заседании бюро обкома 12 февраля 1941 г. было принято решение восстановить Д. Н. Юрушкина в партии и проинформировать об этом Бауманский райком Москвы для выдачи ему новых партийных документов⁵⁵.

Выводы

Политические репрессии 1937 г. — чрезвычайно сложное явление. Анализ протоколов заседаний бюро Кировского обкома ВКП(б) позволяет (без претензий на исчерпывающую характеристику) выявить определенные компоненты и тенденции его развития. Источниковая база данного исследования совершенно недвусмысленно свидетельствует о том, что подавляющее большинство персональных дел, рассмотренных на протяжении первой половины 1937 г. членами бюро Кировского обкома ВКП(б), в первую очередь связанных с производственной сферой, рождались не на пустом месте. В их основе лежали, как правило, реальные проступки, преступления, недоработки фигурантов этих дел. Вместе с тем требуют критического подхода дела, рассмотрение которых завершалось обвинениями политического характера — в троцкизме, а также в сознательном и целенаправленном вредительстве.

На этом этапе обозначилась тенденция, характерная для Кировской области, — объявлять «троцкистами» большинство обвиняемых в тех или иных проступках или совершенных преступлениях. Однако попыток выявить реальную связь между инкриминируемыми им деяниями и идеологией троцкизма авторами статьи в изученных исторических источниках обнаружено совсем немного. При этом (если судить по материалам бюро Кировского обкома партии), основная масса персональных дел была связана с реальными экономическими проблемами. Политизация такого рода персональных дел (в том числе и тех, где административная и уголовная компонента бесспорна) сплошь и рядом представляется надуманной, искусственно привязанной к исходной базе. Серьезным подтверждением надуманности немалой части подобного рода обвинений могут служить факты последующей реабилитации задолго до соответствующих кампаний хрущевского, а затем и горбачевского руководства, немалой части репрессированных в ранге «врагов народа».

В процессе анализа фактов такого рода возникает закономерный вопрос: зачем обычной уголовщине (а еще чаще — недостаткам в исполнении служебных обязанностей) искусственно придавалось политическое обличье? К числу причин (пере-

⁵⁴ ЦГА КО. Ф. П-1290. Оп. 5. Д. 2867. Л. 1, 2.

⁵⁵ Там же. Л. 8 — 10.

чень которых данной статьей не исчерпывается) в первую очередь можно отнести тот факт, что для окончательного подавления и искоренения оппозиции (в 1937 г. преимущественно левой) средствами агитации и пропаганды ей придавался внедряемый в общественное сознание образ «исчадия ада».

При этом обвинение в принадлежности к оппозиционному течению, как правило, надуманное и трактуемое как тяжкое преступление, превращалось в эффективный инструмент не только укрепления власти сталинского руководства, но и решения ряда задач государственного управления. Предъявляемые в таком контексте обвинения служили весьма эффективным, хотя и варварским (с учетом несоответствия наказания) средством наведения порядка и укрепления дисциплины во всех сферах государственной и особенно экономической жизни страны, что было жизненно необходимо Советскому государству в условиях подготовки к неизбежной «большой войне».

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Бакулин В. И. Кадровые «чистки» 1933 — 1938 гг. в Кировской области и проблемы консолидации советского общества // В. И. Бакулин. Листая истории страницы: Вятский край и вся Россия в XX веке. Киров: Изд-во ВятГГУ, 2006. С. 179 — 188.
2. Бакулин В. И., Чемоданов П. А. Политико-экономическая и социальная история Кировского региона середины 1930-х годов. Киров: [б. и.], 2023. 224 с.
3. Бердинских В. А. История одного лагеря (Вятлаг). М.: Аграф, 2001. 463 с.
4. Гетти А. Практика сталинизма. Большевики, бояре и неумирающая традиция. М.: РОССПЭН, 2016. 374 с.
5. Жуков Ю. Н. Иной Сталин: политические реформы в СССР в 1933 — 1937 гг. М.: Вагриус, 2005. 510 с.
6. Земсков В. Н. К вопросу о масштабах репрессий в СССР // Социологические исследования. 1995. № 9. С. 118 — 127.
7. Земсков В. Н. Политические репрессии в СССР. 1917 — 1990 гг. // Россия XXI. 1994. № 1 — 2. С. 107 — 124.
8. Соломон П. Советская юстиция при Сталине. М.: РОССПЭН, 2008. 464 с.
9. Хлевнюк О. В. Хозяин: Сталин и утверждение сталинской диктатуры. М.: РОССПЭН. 2010. 478 с.
10. Чемоданов П. А. Абрам Столяр: политическая биография эпохи «Большого террора» // Вестник гуманитарного образования. 2018. № 4. С. 23 — 28.
11. Чемоданов П. А. От дочери портного до «врага народа»: «пять жизней» Мизы Броевой // Россия XXI. 2019. № 5. С. 176 — 191.
12. Чемоданов П. А. Стахановское движение в экономической и социокультурной жизни советской провинции в 1935 — 1941 гг. (на материалах Кировской области). Киров: Герценка, 2019. 224 с.
13. Шубин А. В. 1937. АнтиТеррор Сталина. М.: Эксмо, 2010. 349 с.

Статья поступила в редакцию 20.02.2024; одобрена после рецензирования 04.04.2024; принята к публикации 11.04.2024.

Информация об авторах:

Владимир Иванович Бакулин, доктор исторических наук, профессор в отставке, vla20190220@yandex.ru

Павел Андреевич Чемоданов, старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права Волго-Вятского института (филиала) Университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА) (610002, Россия, г. Киров, ул. Ленина, 99), кандидат исторических наук, pavelche1492@mail.ru

Вклад авторов:

Бакулин В. И. — разработка концепции, написание текста;
Чемоданов П. А. — сбор материала, написание текста.

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

REFERENCES

1. Bakulin VI. Personnel “Purges” of 1933 — 1938 in the Kirov Region and Problems of Consolidation of Soviet Society. *Leafing Through the History Pages: Vyatka Region and all of Russia in the Twentieth Century*. Kirov;2006:179—188. (In Russ.)
2. Bakulin VI, Chemodanov PA. Political, Economic and Social History of the Kirov Region in the mid-1930s. Kirov;2023. (In Russ.)
3. Berdinskikh VA. History of one Camp (Vyatlag). Moscow;2001. (In Russ.)
4. Getty A. The Practice of Stalinism. *Bolsheviks, Boyars and Undying Tradition*. Moscow;2016. (In Russ.)
5. Zhukov YuN. Another Stalin: Political Reforms in the USSR in 1933 — 1937. Moscow;2005. (In Russ.)
6. Zemskov VN. On the Issue of the Scale of Repression in the USSR. *Sociological Research*. 1995;(5):118—127. (In Russ.)
7. Zemskov VN. Political Repressions in the USSR. 1917 — 1990. *Russia XXI*. 1994;(1—2):107—124. (In Russ.)
8. Solomon P. Soviet Justice under Stalin. Moscow;2008. (In Russ.)
9. Khlevnyuk OV. Owner. Stalin and the Establishment of the Stalinist Dictatorship. Moscow;2010. (In Russ.)
10. Chemodanov PA. Abram Stolyar: Political Biography of the Era of the “Great Terror”. *Bulletin of Humanitarian Education*. 2018;(4):23—28. (In Russ.)
11. Chemodanov PA. From a Tailor’s Daughter to an “Enemy of the People”: “Five Lives” of Misa Broeva. *Russia XXI*. 2019;(5):176—191. (In Russ.)
12. Chemodanov PA. The Stakhanov Movement in the Economic and Sociocultural Life of the Soviet Province in 1935 — 1941 (based on Materials from the Kirov Region). Kirov;2019. (In Russ.)
13. Shubin AV. 1937. Anti-Terror of Stalin. Moscow;2010. (In Russ.)

The article was submitted 20.02.2024; approved after reviewing 04.04.2024; accepted for publication 11.04.2024.

Information about the authors:

Vladimir I. Bakulin, Doctor of Historical Sciences, Retired Professor, vla20190220@yandex.ru
Pavel A. Chemodanov, Senior Lecturer of the Department of Theory and History of State and Law of the Volgo-Vyatka Institute (branch) of the University. O. E. Kutafina (MSAL) (99 Lenin Str., Kirov 610002, Russia), Candidate of Historical Sciences, pavelche1492@mail.ru

Contribution of the authors:

Bakulin V. I. — concept development, text writing;
Chemodanov P. A. — collecting material, text writing.

Conflict of interests: the authors declare no conflict of interests.

The authors have read and approved the final version of the manuscript.